

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ КАК НАПРАВЛЕНИЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

И.М. Шопина¹, Д.Г. Мулявка², С.К. Гречанюк³, В.В. Федчишина²

¹ Львовский государственный университет внутренних дел, г. Львов, Украина

² Университет государственной фискальной службы Украины, г. Ирпень, Украина

³ Город Тернополь, Украина

Информация о статье

Дата поступления

22 апреля 2018 г.

Дата принятия в печать

7 июня 2019 г.

Дата онлайн-размещения

4 июля 2019 г.

Ключевые слова

Преступность; социальный контроль; делинквентное поведение; предупреждение преступности; коллективная эффективность

Аннотация. Изменения в системе общественных отношений детерминируют необходимость создания модели предупреждения преступности, учитывающей особенности социального взаимодействия в современных условиях. Ключевым элементом такой модели является социальный контроль, субъектами которого выступают как государственные, в частности правоохранительные, органы, так и представители гражданского общества. Однако понимание сущности социального контроля в работах разных исследователей неоднозначно, а существующие модели характеризуются некоторой эклектичностью и инерционностью по отношению к изменениям, что не всегда способствует их эффективности. В статье выделено три ключевых фактора, которые должны быть учтены при выборе стратегии государственной политики в исследуемой сфере. Обоснована необходимость соблюдения баланса между родительским контролем и созданием пространства для саморазвития индивида, поскольку самоидентификация и формирование ответственности личности за принимаемые решения выступают обязательными факторами ее социализации. Отмечено, что эффективность выбранной модели предупреждения преступности зависит от интегративного соединения в системе социального контроля всех объективных и субъективных факторов, детерминирующих делинквентное поведение. Процесс перехода от позитивистской к пост-модернистской модели противодействия преступности сопровождается многочисленными кризисами и конфликтами ментальных установок, что закономерно для любой глобальной социальной трансформации. Среди возникающих при этом в государствах постсоветского пространства проблем следует назвать наличие сложно корригируемой доминирующей позиции относительно патерналистской роли государства, отказ от личной социальной ответственности в обмен на гарантируемую государством безопасность, что обуславливает пассивность некоторой части населения и низкий уровень рефлексии по поводу своего места и роли в системе предупреждения делинквентного поведения. Сформулированы основные задачи трансформации существующих моделей социального контроля как направления предупреждения преступности.

IMPROVEMENT OF SOCIAL CONTROL AS A DIRECTION OF CRIME PREVENTION

Iryna N. Shopina¹, Dmytro G. Muliavka², Serhii K. Hrechaniuk³, Violleta V. Fedchyshyna²

¹ Lviv State University of Internal Affairs, Lviv, Ukraine

² University of State Fiscal Service of Ukraine, Irpin, Ukraine

³ Ternopil, Ukraine

Article info

Received

2018 April 22

Accepted

2019 June 7

Available online

2019 July 4

Keywords

Crime; social control; delinquent behavior; crime counteraction; collective efficiency

Abstract. Changes in the system of public relationships determine the necessity of creating a crime prevention model that would take into consideration the specific features of social interaction in modern conditions. A key element of such a model is social control, whose subjects could be both state and private law enforcement bodies and representatives of civil society. However, there is a diversity in how different researchers understand the essence of social control, and the existing models are somewhat eclectic and not easily adjusted to changes, which could affect their effectiveness. The authors single out three key factors that should be taken into account when choosing the strategy of state policy in the sphere under consideration. The authors also prove that it is necessary to strike a balance between parental control and creating a space for self-development because self-identification and development of personal responsibility for one's decisions are obligatory factors

of socialization. It is noted that the effectiveness of the selected model of crime prevention depends on the integration of all objective and subjective factors that determine delinquent behavior in the system of social control. The transition from the positivist to the post-modernist model of crime counteraction is accompanied by numerous crises and conflicts of mental attitudes, which is typical for any global social transformation. The problems emerging in this connection in the post-Soviet states include the resilient dominance of the paternalist model of the state, the denial of personal social responsibility in exchange for security guaranteed by the state, which leads to a passive attitude of some part of the society and a low level of reflection on one's place and role in the system of delinquent behavior's prevention. The authors formulate key tasks of transforming the existing models of social control as directions of crime prevention.

Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» от 25 сентября 2015 г. провозгласила своими целями противодействие всем формам организованной преступности, уменьшение незаконного оборота оружия и финансовых потоков, значительное сокращение масштабов коррупции и взяточничества во всех их формах, обеспечение ответственного принятия решений репрезентативными органами на всех уровнях с участием всех слоев общества¹. Глобализация экономических процессов, возрастание роли трансграничности во всех сферах человеческой жизнедеятельности, формирование информационного общества требуют повышения эффективности системы предупреждения преступности. В свою очередь, предупреждение преступности, которое мы понимаем как «...целенаправленное воздействие государства, общества, физических и юридических лиц на процессы детерминации и причинности преступности в целях недопущения вовлечения в преступность новых лиц, совершения новых криминальных деяний, расширения криминализации общественных отношений» [1, с. 435], не может быть эффективным без использования мер социального контроля. Следует сказать, что понятийный аппарат криминологии включает термины «социальный контроль», «предупреждение», «противодействие», «профилактика», «борьба», за которыми стоят разные модели воздействия на преступность. Не ставя своей целью детально обосновать различие между ними, заметим, однако, что мы разделяем позицию В.А. Андрухова, Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова и других ученых, которые отмечают, что

можно выделить два подхода к интерпретации понятия «социальный контроль» — правовой и социологический. В юриспруденции социальный контроль рассматривается как контроль поведения граждан государства, совершивших общественно опасное деяние, запрещенное Уголовным кодексом государства под угрозой наказания [2, с. 527], и является разновидностью правового контроля [3, с. 26–27]. В социологии же социальный контроль понимается как процесс, посредством которого сводятся к минимуму расхождения между системой нормативных ожиданий общества и фактическим поведением людей, как средство обеспечения социальной интеграции [4, с. 75]. В рамках данной статьи мы будем рассматривать социальный контроль прежде всего в его правовом контексте, как одно из направлений предупреждения преступности. Вместе с тем для системного его понимания будем обращаться и к опыту других наук, поскольку, как справедливо отмечают Н.Ф. Кузнецова и В.В. Лунеев, криминологии необходимы данные общей концепции и отдельных отраслей социологии, политологии и других наук [5, с. 10–11].

Феноменология социального контроля уходит своими корнями в античную философию, представители которой придавали большое значение возможности государства и общества использовать разнообразные средства воздействия на делинквентное поведение индивидов. Однако создание терминологической базы и методологического аппарата социального контроля связывают с наступлением эпохи постмодерна, для которой характерными являются глобализация финансовых, транспортных, миграционных, технологических потоков; «виртуализация» жизнедеятельности, релятивизм (агностицизм), социально-экономическое неравенство, критицизм по отношению к модерну, власти, возможностям науки; фрагментариза-

¹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 25 сентября 2015 г. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/291/92/PDF/N1529192.pdf?OpenElement>.

ция общества, размывание границ между нормой и не нормой, консьюмеризация сознания и жизнедеятельности [6, с. 91–94], нестабильная идентичность, неопределенность социальных и культурных процессов [7, р. 211–216]. Влияние дискурса современности и постмодерна на развитие пенитенциарных систем и противодействие преступности неоднократно обосновывалось в работах современных исследователей, как западных [8, р. 146–149; 9], так и из стран постсоветского пространства [10, с. 134–137]. Вместе с тем устоявшийся подход к проблеме выбора оптимальных моделей противодействия преступности еще не сложился, а существующие модели характеризуются некоторой эклектичностью и инерционностью по отношению к изменениям, что не всегда способствует их эффективности.

Появление термина «социальный контроль» связывают с именем французского социолога и криминолога Г. Тарда, однако следует отметить, что первоначально ученый подходил к его содержанию достаточно узко, рассматривая социальный контроль как способ социальной реабилитации лиц, совершивших преступные деяния, и определяя его целью реадaptацию таких лиц к условиям жизни в обществе путем включения в социально одобренную и социально полезную деятельность [11, с. 47]. Впрочем, в более поздних исследованиях Г. Тард несколько расширяет понимание данного феномена, связывая его с процессом социализации личности. Ключевой для понимания сущности социального контроля в концепции Г. Тарда является теория подражания, оперирующая термином «культурный перенос». В этом контексте научение делинквентным моделям поведения не имеет принципиальных отличий от научения любым другим моделям поведения, которое происходит в процессе социализации личности, первичную роль в которой выполняет родительская семья индивида. Примечательно, что более поздние исследования нашли экспериментальное подтверждение некоторых проявлений этого тезиса: так, в частности, об этом свидетельствуют результаты изучения восприятия деятельности полиции детьми в возрасте от 10 до 15 лет и их родителями, проведенного такими британскими учеными, как К. Синдалл, Д. Дж. Маккарти и Я. Брантон-Смит. По результатам опроса более чем 1 500 респондентов было установлено наличие прямой зависимости между взглядами детей и их родителей, значение

которой несколько варьируется в зависимости от наличия опыта виктимизации и возраста ребенка [12, р. 351–359]. В правовом аспекте это означает смещение акцента в индивидуальном предупреждении преступности на создание позитивной модели успешности законопослушного поведения для детей из семей, относящихся к группе риска, что должно найти свое отражение в общегосударственных и региональных программах предупреждения преступности.

Исследования феномена социального контроля во времена социализма базировались преимущественно на постулате о ведущей роли коммунистической партии во всех социальных процессах [13, с. 70] или носили абстрактно-обобщенный характер, не позволяя выделить все необходимые и достаточные для формирования понятия признаки. Так, с точки зрения советского ученого В.А. Климова, социальный контроль представляет собой совокупность общественных процессов, имеющих целью наблюдение за функционированием социальных объектов (социальных общностей, социальных институтов, индивидов), проверку и оценку результатов их деятельности в соответствии с социальными нормами, управленческими решениями, а также применение к объектам определенных мер воздействия с целью ликвидации негативных явлений (социальных отклонений) и всестороннего развития позитивных явлений и тенденций [14, с. 17]. В этом определении, на наш взгляд, прежде всего отсутствует субъект наблюдения за функционированием социальных объектов, а категория «развитие позитивных явлений и тенденций» предполагает одностороннюю оценочную деятельность, источник которой неясен. В целом же данное определение по своему содержанию тяготеет к однополюсной идеологической картине мира, свойственной примату потребностей государства над потребностями личности: если некие индивиды или социальные группы ведут себя не в соответствии с управленческими решениями, к ним применяются некие санкции, при этом управленческие решения позиционируются как равнозначные по отношению к социальным нормам.

В современных криминологических и социологических исследованиях сделана попытка уйти от позитивистского восприятия феномена девиантного поведения, что обусловило появление поливариантных подходов к сущности социального контроля. Так, Я.И. Гилинский под социальным контролем в широком смысле

понимает механизм самоорганизации (само-регуляции) и самосохранения общества путем установления и поддержания в данном обществе нормативного порядка и устранения, нейтрализации, минимизации нормонарушающего — девиантного — поведения [15, с. 506–521]. Целевая составляющая данного определения дает возможность получить представление о направленности социального контроля, его миссии — самоорганизации и самосохранении общества. Вместе с тем оно не дает ответа на вопрос о средствах, с помощью которых достигается устранение или минимизация девиантного поведения. Кроме того, элемент неопределенности содержится в категории «общество». Если подходить к этому понятию в социально-структурном аспекте, то можно убедиться, что оно может рассматриваться как некая целостная общность только в определенном контексте. С точки зрения детерминирующего влияния социальных норм общество представляет собой совокупность социальных групп, каждая из которых может иметь собственные ценности и стандарты поведения, не всегда совпадающие с нормами других социальных групп.

С точки зрения В.В. Романова, Р.Л. Медникова и А.В. Мякотинной, социальный контроль — это особый вид социальной регуляции поведения общества, нацеленный на установление общественного порядка и содержащий внутри себя комплекс материальных и символических ресурсов, которые общество использует для поддержания правомерного поведения своих членов. Основными функциями социального контроля авторы считают нормативную (действуют ценностно-нормативные регуляторы человеческого поведения) и институциональную (выражается в существовании в обществе системы субъектов социального контроля — специальных институтов, регулирующих поведение людей с помощью санкций) [16, с. 56]. В рамках данного подхода нам представляется важным выделение авторами институциональной составляющей социального контроля. Вместе с тем определенное противоречие заложено, на наш взгляд, в категории «общественный порядок», которая чрезмерно сужает направленность социального контроля, ограничивая его системой отношений, сложившихся между членами общества, которая включает в себя законодательно закрепленные правила взаимного поведения, общения и проживания (узкий подход) [17, с. 32], или системой упорядоченных

стабильных общественных отношений, сложившихся под воздействием социальных норм, ядром которых является правопорядок (широкий подход) [18, с. 29]. Точно так же вызывает возражение нацеленность социального контроля исключительно на поддержание правомерного поведения. Несмотря на наличие в теории права многочисленных определений данного феномена, их сущность сводится преимущественно к поведению, которое осуществляется в сфере правового регулирования и подчиняется требованиям правовых норм [19, с. 247]. С нашей точки зрения, сведение сферы действия социального контроля исключительно к правовым явлениям и процессам ограничивает понимание влияния других социальных норм — моральных, религиозных, профессиональных и др. Более корректным, как представляется, было бы признание поддержания правомерного поведения гражданина целью правовой составляющей социального контроля.

Безусловно, любая попытка изучить влияние социальных норм, не относящихся к правовым, на сущность процессов, происходящих в сфере социального контроля, будет значительно осложнена недостаточным уровнем вербализации таких норм, их неписаным (за редким исключением) характером, закрытостью для внешнего наблюдателя многих этнических, религиозных и корпоративных групп. Однако это не говорит о невозможности создать методологический аппарат, достаточный для изучения особенностей функционирования механизма социального контроля. В западной криминологии в этом контексте активно используют достижения социологии и социальной психологии, благодаря которым сформирован инструментарий оценки влияния социального контроля на актуальный уровень преступности. Это позволило выделить следующие закономерности.

Во-первых, заслуживает внимания первичный уровень формирования социальной идентичности, который закладывается на уровне родительской семьи индивида и значительно влияет на особенности его ценностно-мотивационной сферы в последующие годы. Как уже говорилось выше, наличие прямой зависимости между доверием ребенка к правоохранительным органам и позицией его семьи по этому поводу нашло свое подтверждение на экспериментальном уровне [12, р. 351–359]. Следует также отметить, что экспериментально подтверждено существование корреляции между

привязанностью ребенка к семье и делинквентностью. Было установлено, что слабость эмоциональных связей ребенка с родителями характерна для правонарушителей, в то время как привязанность отца и матери к ребенку — два из пяти лучших предикторов преступности. Это позволило сделать вывод о том, что семейные привязанности играют ведущую роль в социализации ребенка, а также в поддержании его последующего соответствия правилам общества [20]. Безусловно, еще советской криминологической наукой была изучена роль семьи в системе противодействия преступности, однако подчеркнем, что эти положения в основном имели декларативный характер. Гуманизация советской системы противодействия преступности несовершеннолетних, по мнению ряда исследователей, произошла только в середине 70-х гг. прошлого века, до этого же она носила скорее репрессивно-карательный характер [21, с. 57–58]. В настоящее время представляется важным соблюдение баланса между родительским контролем и созданием пространства для саморазвития индивида, поскольку самоидентификация и формирование ответственности личности за принимаемые решения выступают необходимыми факторами ее социализации. Инфантилизм, формируемый системой жесткой опеки, не позволяет индивиду создать собственные механизмы социальной адаптации, что в результате снова-таки ведет к некритичному восприятию позиции референтной группы, в том числе криминализованной, что усиливает риски возникновения делинквентного поведения. Выходом из сложившегося противоречия между важностью родительского контроля и необходимостью формирования собственных адаптивных механизмов является, с нашей точки зрения, применение на уровне общесоциального предупреждения преступности мер по развитию родительской компетенции и рефлексии по поводу внутрисемейной педагогической позиции. Придание этим мерам правового характера возможно путем включения их в общегосударственную систему социальной работы.

Во-вторых, эффективность выбранной модели предупреждения преступности зависит от интегративного соединения в системе социального контроля всех объективных и субъективных факторов, детерминирующих делинквентное поведение. В этом контексте представляет интерес модель социального контроля Г. Барака, которая предполагает использование наработок

и методологии смежных с криминологией дисциплин. Ученый убедительно доказывает, что в эпоху постмодернизма карательная направленность мер по предупреждению преступности себя исчерпала, является неэффективной, а создание новой, эффективной модели требует учитывать прежде всего сложный, динамически изменяющийся характер преступности и ее множественную интерактивную причинность. В таких условиях возрастает роль неформального социального контроля, связанного с получением информации и способами нивелирования влияния ритуалов преступного поведения [22, р. 242–249]. В отличие от государственной составляющей социального контроля, процедуры которого носят более устоявшийся характер, обусловленный тем, что органы государства должны действовать исключительно в рамках своей законодательно закрепленной компетенции, контроль со стороны гражданского общества отличается большей гибкостью и оперативностью. Это не снимает вопроса об этических стандартах, которыми руководствуются субъекты социального контроля, однако, как мы полагаем, вербализация и обсуждение таких стандартов на различных уровнях — от проведения круглых столов с участием представителей органов государственной власти до работы специфических групп на местном уровне — позволили бы выработать общие ценности и стратегии, преодолеть существующие на уровне постсоветской ментальности рудименты сочувствия носителям делинквентного поведения.

В-третьих, важная роль в системе социального контроля над преступностью принадлежит партнерской модели отношений между органами государственной власти, в частности правоохранительными, и представителями гражданского общества. Партнерская модель отношений предполагает обсуждение социальных проблем на местном уровне между гражданами и правоохранительными органами и создание механизмов противодействия преступности с учетом актуальной ситуации [23, р. 398–404], использование института соседского контроля, способного, по мнению исследователей, повышать эффективность социального контроля в условиях социальной дезорганизации [24, р. 445–449], содействие развитию коллективной эффективности, в том числе ориентированных на партнерство стратегий, поощряющих восприятие легитимности полиции [25, р. 85]. Следует отметить, что партнерская модель отношений между

правоохранительными органами и представителями общественности требует наличия зрелого гражданского общества, члены которого имеют высокий уровень социальной ответственности, а также достаточного уровня доверия населения государственным институтам. В этом смысле следует согласиться с В.Н. Руденкиным, полагающим, что доверие, как институциональное (абстрактное), так и персональное (персонифицированное), является необходимым условием гражданской самоорганизации, включения человека в деятельность общественных организаций, а недоверие граждан политическим институтам фактически лишает их мотивации в каких-либо формах взаимодействовать с ними [26, с. 54]. Другим условием создания действующей партнерской модели предупреждения преступности выступает транспарентность деятельности органов государственной власти, что предполагает активное использование всех возможных средств коммуникации для информирования населения о миссии, правовом статусе государственных институтов, стоящих перед ними актуальных проблемах и возможностях граждан включаться в совместную деятельность для достижения общих целей. Распределение ответственности за состояние преступности между государством и гражданским обществом способно, как нам кажется, помочь достигнуть как минимум двух важных целей: компенсировать недостаточность используемых органами государства средств предупреждения преступности путем расширения их арсенала за счет негосударственных субъектов такого предупреждения, а также выйти на более сложный уровень воздействия на зарождающееся делинквентное поведение благодаря использованию методов модели коллективной эффективности.

Процесс перехода от позитивистской к постмодернистской модели предупреждения преступности сопровождается многочисленными кризисами и конфликтами ментальных установок, что закономерно для любой глобальной социальной трансформации. Среди возникающих при этом в государствах постсоветского пространства проблем следует назвать наличие сложно

корректируемой доминирующей позиции относительно патерналистской роли государства, отказ от личной социальной ответственности в обмен на гарантируемую государством безопасность, что обуславливает пассивность некоторой части населения и низкий уровень рефлексии по поводу своего места и роли в системе предупреждения делинквентного поведения. Ряд проблем связан с наличием агрессивных коммуникативных воздействий, способствующих формированию личности «идеального потребителя» реализуемых товаров и услуг, ценность которых ставится выше способов их получения, что способствует размыванию нравственных критериев и стандартов. Однако в условиях глобализации экономических процессов и активного развития информационных технологий роль негосударственных субъектов социального контроля над преступностью будет возрастать, поскольку государственный контроль, базирующийся на ограниченном бюджете количестве финансовых и кадровых ресурсов, будет не в состоянии охватить все грани динамично изменяющихся общественных отношений. Вместе с тем это никоим образом не снижает важность роли государства в системе предупреждения преступности. Основными задачами трансформации существующих моделей социального контроля, с нашей точки зрения, являются создание на центральном и местных уровнях многочисленных площадок и платформ для обсуждения проблем предупреждения преступности, поддержка формирования механизмов ее предупреждения, основанных на принципах партнерства, широкое применение социологических исследований с дальнейшим обсуждением их результатов и принятием необходимых решений на уровне местных общин, что должно способствовать развитию социальной ответственности и повышению коллективной эффективности в сфере предотвращения делинквентного поведения. Указанные меры должны найти свое отражение как в общегосударственных и региональных программах предупреждения преступности, так и в правовых актах, в которых закреплена правовая статус его субъектов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Криминология : учебник / под ред. А.И. Долговой. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма, 2005. — 912 с.
2. Уголовное право. Общая часть / Н.И. Ветров [и др.] ; под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. — М. : КноРус, 1997. — 583 с.
3. Андрухов В.А. Концепции социального контроля молодежной преступности / В.А. Андрухов // Теория и практика общественного развития. — 2009. — Вып. 2. — С. 26–36.
4. Пшидаток В.Е. Правосознание и правовые ценности молодежи в контексте российских реформ / В.Е. Пшидаток, П.С. Самыгин. — Ростов н/Д. : Антей, 2007. — 175 с.

5. Криминология : учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунева. — М. : Волтерс Клувер, 2005. — 630 с.
6. Гишинский Я.И. Девиантность и социальный контроль в мире постмодерна: краткий очерк / Я.И. Гишинский // Общество и человек. — 2015. — № 3–4 (12). — С. 89–99.
7. Tyler W. Aboriginal Criminology and the Postmodern Condition: From Anomie to Anomaly / W. Tyler // Australian and New Zealand Journal of Criminology. — 1999. — Vol. 32, № 2. — P. 209–221.
8. Hallsworth S. The Case for a Postmodern Penalty / S. Hallsworth // Theoretical Criminology. — 2002. — Vol. 6, № 2. — P. 145–163.
9. Simons G.L. Critical Criminology at the Edge: Postmodern Perspectives, Integration, and Applications / G.L. Simons // Contemporary Sociology. — 2004. — Vol. 33, № 5. — P. 599–600.
10. Комлев Ю.Ю. От постмодернистской девиантологии к пост-постмодернистскому синтезу криминологических знаний / Ю.Ю. Комлев // Вестник экономики, права и социологии. — 2014. — № 2. — С. 133–138.
11. Тард Г. Преступник и толпа : пер. с фр. / Г. Тард. — М. : Алгоритм, 2016. — 430 с.
12. Sindall K. Young People and the Formation of Attitudes Towards the Police / K. Sindall, D.J. McCarthy, I. Brunton-Smith // European Journal of Criminology. — 2017. — Vol. 14, № 3. — P. 344–364.
13. Белоусов К.Ю. Теория социального контроля в отечественной и зарубежной науке / К.Ю. Белоусов // Вестник Орловского государственного университета. — 2013. — № 2 (31). — С. 69–73.
14. Климов В.А. Социальный контроль в развитом социалистическом обществе / В.А. Климов ; под ред. В.Ф. Литвина. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1984. — 99 с.
15. Гишинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений» / Я.И. Гишинский. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. — 520 с.
16. Медников Р.Л. Социология права: краткий курс / Р.Л. Медников, А.В. Мякотина, В.В. Романов. — М. : Окей-книга, 2009. — 106 с.
17. Агузаров Т.К. Уголовно-правовые проблемы охраны власти (история и современность) / Т.К. Агузаров, Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев. — М. : Проспект, 2016. — 332 с.
18. Гавриков В.П. Теория государственно-правового регулирования / В.П. Гавриков. — М. : Проспект, 2015. — 160 с.
19. Ромашов Р.А. Теория государства и права. Краткий курс / Р.А. Ромашов. — 2-е изд. — СПб. : Питер, 2010. — 304 с.
20. Glueck S. Unraveling Juvenile Delinquency / S. Glueck, E. Glueck. — New York : Commonwealth Fund, 1950. — 399 p.
21. Блясова И.Ю. Состояние профилактики преступности и правонарушений несовершеннолетних в советский период / И.Ю. Блясова // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Право. — 2012. — № 1 (255), вып. 31. — С. 54–59.
22. Barak G. Integrating criminologies / G. Barak. — Boston : Allyn & Bacon, 1998. — 330 p.
23. Carr P.J. Citizens, Community, and Crime Control: The Problems and Prospects for Negotiated Order / P.J. Carr // Criminology and Criminal Justice. — 2012. — Vol. 12, № 4. — P. 397–412.
24. Institutional Strength, Social Control and Neighborhood Crime Rates / R.A. Triplett [et al.] // Theoretical Criminology. — 2003. — Vol. 7, № 4. — P. 439–467.
25. Sargeant E. Policing Community Problems: Exploring the Role of Formal Social Control in Shaping Collective Efficacy / E. Sargeant, R. Wickes, L. Mazerolle // Australian and New Zealand Journal of Criminology. — 2013. — Vol. 46, № 1. — P. 70–87.
26. Руденкин В.Н. Доверие к государственным и общественным институтам как условие гражданской самоорганизации / В.Н. Руденкин // Вестник Уральского института экономики, управления и права. — 2015. — № 1 (30). — С. 52–59.

REFERENCES

1. Dolgova A.I. (ed.). *Kriminologiya* [Criminology]. 3rd ed. Moscow, Norma Publ., 2005. 912 p.
2. Vetrov N.I., Gabdrakhmanov R.L., Dineka V.I.; Vetrov N.I., Lyapunov Yu.I. (eds.). *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'* [Criminal law. General Part]. Moscow, KnoRus Publ., 1997. 583 p.
3. Andrukhov V.A. The Concepts of Social Control of Youth Crime. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*, 2009, iss. 2, pp. 26–36. (In Russian).
4. Pshidatok V.Ye., Samygin P.S. *Pravosoznaniye i pravovyye tsennosti molodezhi v kontekste rossiyskikh reform* [Legal Conscience and Legal Values of Young People in the Framework of Russian Reforms]. Rostov-on-Don, Antei Publ., 2007. 175 p.
5. Kuznetsova N.F., Lunev V.V. (eds.). *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2005. 630 p.
6. Gilinsky Ya.I. Diviance and social control in the post-modern world: a brief overview. *Obshchestvo i chelovek = Society & Man*, 2015, no. 3–4 (12), pp. 89–99. (In Russian).
7. Tyler W. Aboriginal Criminology and the Postmodern Condition: From Anomie to Anomaly. *Australian and New Zealand Journal of Criminology*, 1999, vol. 32, no. 2, pp. 209–221.
8. Hallsworth S. The Case for a Postmodern Penalty. *Theoretical Criminology*, 2002, vol. 6, no. 2, pp. 145–163.
9. Simons G.L. Critical Criminology at the Edge: Postmodern Perspectives, Integration, and Applications. *Contemporary Sociology*, 2004, vol. 33, no. 5, pp. 599–600.
10. Komlev Yu.Yu. From Postmodern Deviantology to Postmodern Synthesis of Criminological Knowledge. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii = The Review of Economy, Law and Sociology*, 2014, no. 2, pp. 133–138. (In Russian).
11. Tarde G. *L'opinion et la foule*. Paris, Presses Universitaires de France, 1989. 184 p. (Russ. ed.: Tarde G. *Prestupnik i tolpa*. Moscow, Algoritm Publ., 2016. 430 p.).
12. Sindall K., McCarthy D.J., Brunton-Smith I. Young People and the Formation of Attitudes towards the Police. *European Journal of Criminology*, 2017, vol. 14, no. 3, pp. 344–364.
13. Belousov K.Yu. Theory of social control in Russian and foreign research. *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta = Herald of Orlov State University*, 2013, no. 2 (31), pp. 69–73. (In Russian).
14. Klimov V.A.; Litvin V.F. (ed.). Social Control in the Developed Socialist Society. Saratov State University Publ., 1984. 99 p.

15. Guilinsky Ya. *Deviantology: Sociology of Crime, Narcotism, Prostitution, Suicide, and Other «Deviations»*. Saint Petersburg, Juridicheskii Tsentri Press Publ., 2004. 520 p.
16. Mednikov R.L., Myakotina A.V., Romanov V.V. *Sotsiologiya prava: kratkii kurs* [Sociology of Law: A Brief Course]. Moscow, Ok-Kniga Publ., 2009. 106 p.
17. Aguzarov T.K., Gracheva Yu.V., Chuchaev A.I. *Ugolovno-pravovye problemy okhrany vlasti (istoriya i sovremennost')* [Criminal Legal Issues of Protection of the Authorities (Past and Present)]. Moscow, Prospekt Publ., 2016. 332 p.
18. Gavrikov V.P. *Teoriya gosudarstvenno-pravovogo regulirovaniya* [Theory of State and Legal Regulation]. Moscow, Prospekt Publ., 2015. 160 p.
19. Romashov R.A. *Teoriya gosudarstva i prava. Kratkii kurs* [Theory of State and Law. A Brief Course]. 2nd ed. Saint Petersburg, Piter Publ., 2010. 304 p.
20. Glueck S., Glueck E. *Unraveling Juvenile Delinquency*. New York, Commonwealth Fund, 1950. 399 p.
21. Blyasova I.Yu. Juvenile crime and offense prevention in the Soviet period. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law*, 2012, no. 1 (255), iss. 31, pp. 54–59. (In Russian).
22. Barak G. *Integrating criminologies*. Boston, Allyn & Bacon, 1998. 330 p.
23. Carr P.J. Citizens, Community, and Crime Control: The Problems and Prospects for Negotiated Order. *Criminology and Criminal Justice*, 2012, vol. 12, no. 4, pp. 397–412.
24. Triplett R.A., Gainey R.R., Sun I.Y., Payne B., Desmond S.A. Institutional Strength, Social Control and Neighborhood Crime Rates. *Theoretical Criminology*, 2003, vol. 7, no. 4, pp. 439–467.
25. Sargeant E., Wickes R., Mazerolle L. Policing Community Problems: Exploring the Role of Formal Social Control in Shaping Collective Efficacy. *Australian and New Zealand Journal of Criminology*, 2013, vol. 46, no. 1, pp. 70–87.
26. Rudenkin V.N. Confidence in State and Public Institutions as a Condition of Civic Self-Organization. *Vestnik Ural'skogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava = Herald of the Ural Institute of Economics, Management and Law*, 2015, no. 1 (30), pp. 52–59. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шопина Ирина Николаевна — профессор, старший научный сотрудник кафедры административно-правовых дисциплин Львовского государственного университета внутренних дел, доктор юридических наук, г. Львов, Украина; e-mail: uaftp@ukr.net.

Мулявка Дмитрий Григорьевич — заведующий кафедрой оперативно-розыскной деятельности Университета государственной фискальной службы Украины, кандидат юридических наук, профессор, г. Ирпень, Украина; e-mail: mulyavka@ukr.net.

Гречанюк Сергей Константинович — доктор юридических наук, профессор, адвокат, г. Тернополь, Украина; e-mail: hrechserge@ukr.net.

Федчишина Виоллета Витальевна — профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности Университета государственной фискальной службы Украины, кандидат экономических наук, г. Ирпень, Украина; e-mail: violleta@meta.ua.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Шопина И.Н. Совершенствование социального контроля как направления предупреждения преступности / И.Н. Шопина, Д.Г. Мулявка, С.К. Гречанюк, В.В. Федчишина // Всероссийский криминологический журнал. — 2019. — Т. 13, № 3. — С. 447–454. — DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(3).447-454.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Shopina, Iryna M. — Professor, Senior Research Fellow, Chair of Administrative and Legal Disciplines, Lviv State University of Internal Affairs, Doctor of Law, Lviv, Ukraine; e-mail: uaftp@ukr.net.

Muliavka, Dmytro G. — Head, Chair of Operational Investigations, University of State Fiscal Service of Ukraine, Ph.D. in Law, Professor, Irpin, Ukraine; e-mail: mulyavka@ukr.net.

Hrechaniuk, Serhii K. — Doctor of Law, Professor, Lawyer, Ternopil, Ukraine; e-mail: hrechserge@ukr.net.

Fedchyshyna, Violleta V. — Professor, Chair of Operational Investigations, University of State Fiscal Service of Ukraine, Ph.D. in Economics, Irpin, Ukraine; e-mail: violleta@meta.ua.

FOR CITATION

Shopina I.M., Muliavka D.G., Hrechaniuk S.K., Fedchyshyna V.V. Improvement of social control as a direction of crime prevention. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 3, pp. 447–454. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(4).447-454. (In Russian).